

Пусть ещё, пусть ещё разгорится
Там вдали над рекой,
над судьбой,
То, что снилось,
что может не сбыться,
То, что светит едва над тобой.

ОСЕНЬ

Не осталось и следа
Вдохновенного труда.
Только тёмная вода
В чёрном зеркале пруда...
На прибрежный край земли
Листья жёлтые сгребли,
Долго-долго, долго жгли,
Как сжигают корабли:
Осени черновики,
Осени чистовики.
Не осталось и строки,
Не осталось и следа,
Только чёрная вода,
Тёплый пепел у пруда...

* * *

Твои глаза – два родника.
В них солнца луч проник.
Я шёл к тебе издалека
И к роднику приник.

В нём отражались облака,
Весь мир, что так велик...
И понял я у родника:
Ты вся – живой родник.

УКОР

Не скрыться от вечной надежды.
Не скрыться от вечной тоски.
Мы снова латаем одежды,
Цветные кроим лоскутки.

И прошлого думы и речи,
Пронзает любой разговор.

И снова в глазах человеческих
Предтечей прозренья – укор.

Но – надо судьбу не прохлопать,
Чтоб вновь не краснеть за слова
И прятать искусанный локоть
В дырявый просвет рукава.

ЧИТАЯ БУЛГАКОВА

Что-то холодно, милый мой, холодно...
Где от стужи укрыться мне, Брат?
Бал закончен давно уж у Воланда.
Никого... Только свечи горят.

Воздух полон присутствием Мастера.
Только Мастера нет здесь уже.
На стене лишь два слова фломастером,
Лишь два слова: «доверься душе...»

И в бреду своего одиночества
Я хватаю спасательный круг
Вдруг открывшегося мне пророчества,
Что послал мой неведомый друг.

И губами от холода синими,
На своём роковом рубеже,
Иступленно шепчу: – Будь же сильным,
Всё пройдет, лишь доверься душе...

* * *

Не оскудеет древнее наречье
Высоких трав, желтеющей листвы.
И отзовутся в слове человечесьем
И шум дерев, и шорохи травы.

Когда душа, с природою в согласье,
Поймет, что мир един и неделим,
Она освободится из-под власти
Дремучих сил, что мы в себе таим.

Ударит гром и молния – из тучи,
Прольётся дождь, зашелестит листва
И, вслушиваясь в чистые созвучья,
На нашем поле прорастут слова...

Во тьме ночной
 зажги свои огни.
 Ударь в набат,
 пусть колокол гудит,
 И пусть гранит могил
 заговорит.
 Сынов своих на вече собери.
 Да будет день!
 Да будет свет зари!
 Да будет Храм
 Спасителя Христа!
 Душа народа, словно снег, чиста –
 Так было сотни лет у россиян:
 Всяк – свят,
 Всяк – свет,
 Всяк – осиян.

* * *

Им нравится драться
 за место под солнцем.
 Пускай их! Быть может, добьются его,
 Какое им дело до трещин в оконце,
 В котором для них не видать ничего.
 В оконце, в избушке,
 в глухой деревеньке,
 Призывно помашет вам мама рукой –
 Попить молока
 на прогретой ступеньке,
 С крыльца посмотреть
 на закат над рекой...
 ...Не плачь, успокойся,
 печалью полечим
 Царапины, ссадины, раны души.
 Мир соткан
 из множества противоречий,
 Но ты не виновен и не согрешил.

И всё нам простится,
 осталось проститься
 И с миром, и с другом,
 и с милой своей.
 С озябнувших рук её сняв рукавицы,
 Последним дыханьем
 ей пальцы согрей.

* * *

И десять лет прошло,
 пройдет и двадцать.
 Всё так же будет в сердце листопад.
 А нам с тобою некуда деваться,
 Несём свой крест,
 и нет пути назад.

Назад нельзя,
 там холод, мрак и пустошь.
 Там все надежды выжжены дотла.
 Судьба им перебила кости с хрустом
 И под обломками эпохи погребла.

Всё суета сует.
 Всё, в общем, тщетно.
 Но, слава Богу, есть желанье жить.
 Пусть мы с тобой
 исчезнем незаметно,
 Только б успеть допеть и долюбить.

В конце концов,
 бродягам много ль надо
 Для равновесья сердца и души?!
 Желанный путь,
 да шелест листопада,
 Да свет звезды в затерянной глуши...

* * *

Разойдется ль совсем,
 разбежится ль по жизни кругами,
 Словно тина, болотная накипь
 прокуренных дней.
 Но высокое зарево света
 замрёт над горами
 И погаснет.
 И станет на сердце еще холодней.

В тёмных комнатах стылых, чужих,
 где тепла не видали,
 Одиночества дым выедаёт
 сухие глаза.
 Отвори эту дверь в бесконечные
 снежные дали,
 Улети легкокрылой душой
 к горизонту и за

Чтоб уже никогда
 Ни за что не вернуться в болото,
 Чтоб забыть это марево серых
 Простуженных дней,
 И понять до конца, для чего
 В этой жизни и кто ты,
 И по ком колокольные звоны
 Печали твоей...

* * *

Берлин, Варшава, Киев, Симферополь...
 Что за окном мелькает, не Европа ль?

А мне к «совковым» надобно вокзалам
 По этим шпалам, бля, по этим шпалам.

Родные шпалы пахнут креозотом.
 К билетным кассам пробиваемся,
 как к дзотам.

И воздух родины так сладок от мочи
 Вокзальных туалетов. И в ночи

Опять зовут гудки в «тѣмутаракань» –
 Смотри, с налёта душу не порань!

Ну, что сказать, мой милый, что сказать,
 Рябины ветку с родины прислать?

Пейзажи те же, та же маета.
 Не изменилось, в общем, ни черта...

О чём скорбеть, мой друг,
 о чем грустить?
 Давай ворон считать и водку пить...

* * *

Бывалыча была и алыча,
 Пылал очаг, лилось «Ркацители»...
 Профукали, пробздели, просвистели
 Колхоз убогий «Радость Ильича».

Прощай, и, чёрт с тобою, навсегда,
 Кормушка общая,
 родное наше стойло,

Где всем хватало хлеба, зрелищ, поила.
 Мать вашу, как подумаешь, а стоила ль
 Чего-нибудь вся эта лабуда?

Тоски знобящей водкой не избыть.
 Не отпустить стреноженные мысли.
 Мы столько лет
 В болоте красном кисли,
 Что нас теперь вовеки не отмыть.

Похмелье горькое...
 В кармане ни гроша,
 Под небом голубым да в чистом поле,
 Всё ищет, ищет, ищет светлой доли
 Болезная, озябшая душа.

* * *

Берлинское бледное небо...
 Ах, муттер, ах, муторно, мать.
 Про горечь российского хлеба
 Кому мне теперь рассказать?

Не этим ли сумрачным стенам
 Квартиры под крышей чужой?
 Не этим ли кирхам степенным
 Открыться озябшей душой?

Над желтым жнивьем Аренсфельда
 Крикливая стая ворон.
 И входит то Ольга, то Хельга
 В мою полуявь-полусон.

Плохая примета: в кармане
 Дырявом «посеять» звезду.
 Надежда обманет, поманит:
 «Mein Lieber, komm her! Wo bist du?»

Мне воздуха мало и света.
 – «Герр Обер, зажгите свечу» –
 Бутылкою шнапса согретый,
 Заплачу, за всё заплачу.

И всё-таки счёт не оплачен,
 И я перед всеми в долгу,
 Ах, надо бы, надо б иначе –
 Да иначе я не могу.

* * *

Носки прохудились,
 Душа прослезилась,
 В дырявом кармане
 Тоска поселилась...
 Откуда ж вы, братцы?
 С России, вестимо.
 Далёко же вас занесло, пилигримы!
 А годы со свистом проносятся мимо.
 С весны канем в лето,
 а с осени в зиму.
 Замешано тело на крови и глине:
 И соль на губах,
 И песок на зубах.
 Нас ветер скитаний донёс до Берлина!
 Что дальше? Кто ж знает...
 Всё в Божьих руках.

* * *

«До чего безрадостны стихи» –
 О стихах прочтённых говорили.
 Может, это ночи так тихи
 И печальны в лунном свете. Или
 Над пустынным полем, над рекой
 Осень облетающей листвою
 Зашумела. Или голубой,
 Мировой покой над головою
 Был нарушен криком птичьих стай,
 Чей отлёт и грустен, и печален.
 И душа от осени чиста,
 И ранимы чувства, как в начале
 Жизни. И не тлеем, но горим
 В порубежье осени и лета...
 ...О стихах прочтённых говорим:
 «Сколько грусти, нежности и света!»

Владимир Анатольевич Тихомиров родился 15 мая 1957 года в Таджикистане, г. Ленинабаде (ныне Худжент). С 1965 по 1994 год жил, учился и работал в г. Лениногорске (ныне Риддер). Учился в Томском политехническом институте, затем на заочном отделении политеха в Алма-Ате, где получил специальность горного инженера. Работал на рудниках Лениногорска проходчиком, крепильщиком, мастером смены. Воспитывал двоих сыновей. С осени 1996 года проживал в Берлине, работал системным администратором на совместном предприятии Бош-Сименс.

Участник усть-каменогорской студии поэзии «Устье» (руководитель Евгений Курдаков) и лениногорского литературного объединения «Родник» (руководитель Михаил Немцев). Печатался в газетах «Лениногорская правда», «Рудный Алтай», журнале «Простор», «Братина», альманахах «Синегорье», «Риддерская радуга», коллективном сборнике «Русская поэзия и проза в Германии» (Мюнхен, 1998), литературном альманахе «Век XXI» (Берлин, 2000). Лауреат и дипломант Московского международного поэтического конкурса «Золотое перо» (2008). Умер 3 декабря 2013 года в Берлине.

Подборка составлена по книгам: «Присутствие мастера» (Усть-Каменогорск, 2017) и «Соединяя берега» (Москва, 2018).

